

Пятница, 9-го июля 1904 года.

ИЗДАНИЯ ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ,

Пятница, 9-го июля 1904 года.

Цена отдельному № 3 к.

РУССКОЕ СЛОВО

Цена отдельному № 3 к.

№ 189

ПОДПИСКА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

На годъ . . . 6 р. — к.	На 3 мѣсяца, 2 р. — к.
— 1/2 года . . 3 . 50 .	— 1 мѣсяца . . . 75 .

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Редакция для приема объявлений—отъ 4—5 час.,
кроме субботы, воскресенья, и праздн. дней.
Рукопись, иллюстрации редакціи съ печатью,
не возвращаются.

№ 189

Телефонъ конторы № 15 83.

ОБЪЯВЛЕНІЯ Попрядъ текста — 10 коп., помяде
текста — 25 коп. за строку текста.

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА:

Москва, Петровка, противъ Салтыковского переулка, домъ Матвѣевой.

Контора открыта съ 9 час. утра до 6 час. вечера.
За приемъ адреса удаляется 25 коп., съ
пересылкою на вторичный—50 коп.

Телефонъ редакціи № 52 85

Чеховъ и Ялта.

Для всей Россіи это—невознаградимая потеря. А для миниатюрной красавицы Ялты, въ которой покойный Чеховъ прожилъ послѣдніе годы своей жизни,—это потеря совсѣмъ родного человѣка. Уже много лѣтъ Чеховъ, живя въ Ялтѣ, и живя скромно, уединенно, почти нигдѣ и никогда не бывая, былъ центральной фигурой всей Ялты.

Пользуясь огромною, исключительною популярностью, Чеховъ всѣмъ казался какою-то верховною инстанціей, къ которой можно прибѣгнуть въ минуту жизни трудную, когда испытано уже все, и это «все» не дало никакихъ результатовъ. Бывая у Чехова, я не помню ни одного своего визита, когда бы мнѣ не пришлось быть свидѣтелемъ какого-нибудь характернаго курьеза въ этомъ родѣ.

Помню, лѣтъ пять назадъ, когда я былъ въ уютной квартиркѣ Чехова еще въ первый разъ, меня поразило появленіе какой-то мѣстной дамы.

— Антонъ Павлычъ... Антонъ Павлычъ... Только на васъ и надежда... Потому, кто же больше? Милый Антонъ Павловичъ... Ради всего святого.

Медлительный, словно осторожный въ движеніяхъ, молчаливо-суровый Чеховъ поворачивается къ голосящей и нервничавшей дамѣ съ отрывистыми словами:

— Что случилось? Только... нельзя... Слезы, видите-ли... Мѣшаютъ слушать...

Оказывается, сына дамы-просительницы, великовозрастнаго гимназиста, пригрозили исключить изъ мѣстной гимназій чуть-ли не за упорное куренье. И дама летитъ къ Чехову съ просьбою—повліять на гимназическое начальство, спасти юнца. И Чеховъ, устало пожимающій плечами, присаживается къ столу и что-то пишетъ, хмуро глядя на листокъ почтовой бумаги, а дама, сидящая рядомъ со мною, то вздыхаетъ глубоко, почти всхлипываетъ, то быстро-быстро шепчетъ мнѣ, почти касаясь моего уха тонкими губами:

— Ну, слава Богу... Знаете, я думала, не добьюсь, чтобы пустили къ Антону Павловичу... Нѣтъ, пустили. Богъ помогъ. А теперь я спасена. Моего Толю не выгонятъ изъ гимназій. Не посмѣютъ. Потому, Антонъ Павловичъ вступается. А вы... тоже просить о чемъ-нибудь? Ахъ, Богъ помогъ...

Привезли въ Ялту умирающую курсистку. Поселили въ пансіонѣ. Тотъ, кто ее привезъ, оставаться не могъ,—долженъ былъ уѣхать. Дѣвушка, почти дѣвочка—остается на чужбинѣ одна, абсолютно одинокая и безпомощная до ужаса.

Какъ-то я въ очень и очень неважную для грудныхъ больныхъ погоду встрѣтилъ Антона Павловича, терпѣливо бродящаго по двору пансіона, гдѣ лежала курсистка, и разыскивающаго ее комнату. Оказывается, ему написали объ ея отчаянномъ положеніи, его просили навѣстить ее, и онъ пріѣхалъ... Я попросилъ позволенія

быть вмѣстѣ съ нимъ, онъ разрѣшилъ,—и я никогда не забуду того впечатлѣнія, которое было навѣяно на меня маленькою сценкою свиданія великаго русскаго писателя съ изголодавшимся, быстро догравшимъ ребенкомъ.

Она и вѣрила, и не вѣрила, что у нея, въ ея убогой комнатукѣ, Чеховъ, самъ Чеховъ, тотъ Чеховъ, томикъ разсказовъ котораго она бережетъ, какъ драгоценность.

Надо было видѣть ея радость, когда Чеховъ все тѣмъ же, какъ будто суровымъ тономъ говорилъ ей:

— Ну, вотъ, поправляйтесь. Главное,—бодритесь... Потому, вы сами можете видѣть... Меня сколько лѣтъ назадъ приговорили къ смерти, а вотъ, живу. А вы моложе, здоровѣе меня. Только бодритесь.

Курсистка, какъ и многія ей подобныя, лежитъ теперь въ забытомъ уголкѣ ялтинскаго кладбища. Спаси ее не удалось, но скрасить послѣдніе мѣсяцы ея жизни удалось, и это сдѣлалъ Чеховъ. Помню, зайдя къ ней какъ-то, я услышалъ ликующій возгласъ:

— Смотрите, Чеховъ вина и фруктовъ прислалъ. Докторъ прописалъ портвейнъ, и вотъ...

Она и не подозрѣвала, эта догравшая дѣвушка, до послѣдней минуты не подозревала, что она уже нѣсколько мѣсяцевъ цѣликомъ живетъ на деньги Чехова, что «бесплатная комната» въ пансіонѣ вовсе не бесплатная, что самъ Чеховъ переговоры съ владельцемъ пансіона и акку-

ратно уплачиваетъ за ея содержаніе, строго-настрого запретивъ кому-нибудь хоть слово сказать.

Мнѣ, очень близко сталкивавшемуся съ міромъ ялтинской бѣдноты, часто, слишкомъ часто приходилось отыскивать заботливо спрятанные слѣды огромныхъ расходовъ Чехова на помощь нуждающимся. Тамъ—бѣдняку-студенту два, три мѣсяца Чеховъ выдаетъ «стипендію». Тамъ цѣлая семья живетъ:

— Антонъ Павловичъ какихъ-то добрыхъ людей нашель... Черезъ него помогаютъ... Аккуратно присылаютъ.

И я имѣю всѣ основанія предполагать, что всѣ эти «добрые люди» воплощались единственно въ лицѣ самого сурово-молчаливаго Чехова.

Я сказалъ, что Чеховъ игралъ въ жизни мѣстнаго общества совсѣмъ особую роль. Въ самомъ дѣлѣ, взять хотя бы такіе казусы: маленькой провинціальной газеткѣ грозитъ опасность за какія-то прегрѣшенія,—напечатала газетка что-то такое, что опубликованію не подлежало, являясь строго хранимою канцелярскою тайною. Надъ газеткою виситъ Дамокловъ мечъ... Мало того, идетъ слѣдствіе, откуда газетка добыла опубликованныя ею свѣдѣнія.

Завѣдующій редакціей, потерявшій голову, сидитъ у Чехова, объясняя ему положеніе дѣла, и слышитъ въ отвѣтъ:

— Относительно поддержки попытаюсь, напишу... Не ручаюсь, конечно... А вотъ относительно того, откуда добыто сообще-

ніе,—пишите: «Настоящимъ удостовѣряемъ, что сказанное сообщеніе доставлено намъ Антономъ Павловичемъ Чеховымъ»...

Такъ и написали, и гроза прошла мимо. Допытываться у Чехова, откуда онъ получилъ эти «криминальныя» свѣдѣнія, сочли, повидимому, неудобнымъ.

Обыватель, считая себя обиженнымъ мѣстной газетой, грозилъ не судомъ:

— Пожалуюсь на васъ Антону Павловичу.

Тотъ же обыватель слышитъ отказъ напечатать его письмо или статью, и опять заявленіе:

— А, вотъ какъ! Ну, ладно же. Когда такъ, я къ Антону Павловичу...

Кстати маленькій, но характерный курьезъ.

Мѣстная миллионерша открывала грандіозное коммерческое предпріятіе. Ей нужно было составить текстъ газетныхъ объявленій.

Какъ-то она явилась въ мою скромную квартиркѣ, держа письмо въ рукѣ.

— Это—отъ Антона Павловича...

«Г-жу Иксъ направилъ къ вамъ,—писалъ мнѣ Чеховъ.—Она одолѣла меня просьбами составить ей текстъ объявленія. Я составилъ, провозившись, но думаю, что вы, какъ ближе стоящій къ газетному дѣлу, можете быть ей болѣе полезнымъ».

Я не повѣрилъ своимъ глазамъ, но фактъ былъ налицо: у меня долго хранился листокъ, исписанный рукою Антона

Павловича и содержащій проектъ текста газетнаго объявленія.

Это свидѣлствуетъ, конечно, о той положительно чрезмѣрной деликатности А. П., которой злоупотребляли.

Въ послѣдній разъ я былъ у Чехова позднюю осенью прошлаго 1903 года.

Между прочимъ, на ялтинской дачкѣ Чехова, въ его любимомъ рабочемъ кабинетѣ, на каминѣ есть этюды покойнаго Левитана. Рѣчь зашла о художникѣ, и Чеховъ высказалъ слѣдующее:

— Какъ мало цѣнить и какъ мало дорожать вещами Левитана. Вѣдь это же стыдно. Это такой огромный самобытный, оригинальный талантъ. Это что-то такое свѣжее и сильное, что должно было бы перевернуть сдѣлать. Да, рано, рано умеръ Левитанъ.

Чеховъ и не подозрѣвалъ, что и самъ-то онъ сойдетъ въ могилу всего полгода спустя послѣ этого разговора.

Въ началѣ мая я провожалъ родныхъ, уѣзжавшихъ пароходомъ на Севастополь. Въ толпѣ пассажировъ я увидѣлъ характерную фигуру Чехова и знакомый пристально-усталый взглядъ.

— Въ Москву ѣду. Надо ѣхать... Дѣла все. Спрашиваете, не рискую-ли? Нѣтъ, риска нѣтъ никакого. По моему мнѣнію, Москва, то-есть, собственно, не Москва сама, конечно, а ея окрестности, лѣтомъ болѣе безопасное мѣстопребываніе для нашего брата, больного, чѣмъ Крымъ...

Когда пароходъ отчаливалъ, медленно отходя отъ набережной мола, я долго

глядѣлъ на Чехова, и невольно опасенія закрадывались въ мою душу,—такъ плохо выглядѣлъ онъ, постарѣвшій, сторбавшійся, ослабѣвшій.

26-го іюня въ Ялтѣ было получено отъ Антона Павловича письмо, въ которомъ онъ освѣдомлялся, какъ удобнѣе проѣхать въ Ялту, какимъ пароходомъ воспользоваться, какова погода, какое море, чтобы не закачало на переходѣ отъ Севастополя до Ялты. Писалъ, что чувствуетъ себя прекрасно, что уже скучаетъ и хочетъ въ самомъ близкомъ времени возвратиться въ Ялту.

Когда я думаю о смерти Чехова, мнѣ невольно приходитъ на мысль: онъ умеръ отъ слабости сердца.

Врачи будутъ говорить, что слабость сердца—результатъ болѣзни. Туберкулезъ, дескать, переродилъ сердечныя ткани, отравилъ кровь. У сердца не было силъ больше, и оно уснуло.

Такъ скажутъ врачи.

А я буду думать: отъ этого-ли устало и уснуло сердце? А не отъ того-ли, что ему, сердцу художника,—была дана черезчуръ большая работа? И мозгъ Чехова, и его сердце работали не такъ, какъ работаютъ у простыхъ смертныхъ, а какъ работаютъ у гигантовъ. Вотъ почему сердце изжило свои силы гораздо раньше, сердце устало раньше, чѣмъ можно было ожидать...

М. ПЕРВУХИНЪ.